

Н.С. Тендитник — у истоков распутиноведения

В памяти осталась картинка — два студента на последнем ряду амфитеатра в шестьдесят четвертой аудитории старого здания университета. Студенты разговаривали, поглощенные собой, а строгая молодая преподаватель поглядывала на них, и, смущенная ситуацией, так и не смогла сделать недисциплинированным студентам замечание, принимая их увлеченность на свой счет, свою неопытность [12, с. 116]. Взгляд преподавателя выделил из действительности и запечатлел на все последующие годы двух молодых людей, сосредоточенных друг на друге, на своей вовлеченности в литературу, захваченных ее живым стремительным потоком. Взгляд объединил на годы всех троих — будущего критика Надежду Степановну Тендитник и двух классиков русской литературы, Александра Вампилова и Валентина Распутина, тогда первокурсника и второкурсника историко-филологического факультета Иркутского университета. Все было привычно и просто. На лекции по древнерусской литературе встретились два студента-филолога, чтобы поговорить о литературе. У истоков — о будущем. У них все было впереди.

Труды Н.С. Тендитник в области распутиноведения включают в себя несколько книг о творчестве писателя, сборники, посвященные иркутским авторам, критические статьи, очерки, заметки, как называла их сама автор, рецензию, интервью. От первой (1968) [15] до последней статьи и книги (1999) [11; 8] — большая временная дистанция. Анализ углублялся, копились наблюдения, появлялись новые аспекты рассмотрения, осмысливалось только что опубликованное писателем. В душе критика процесс анализа шел непрерывно и напряженно многие годы. Размышления торопились за литературными достижениями писателя. Материал давали не только повести и рассказы, но и встречи, личное общение, читательские обсуждения, в которых часто участвовали оба — художник и критик, а также архивы и рукописи других авторов. Критик следит за всеми публикациями, выступлениями В. Распутина на иркутском и центральном телевидении, по иркутскому радио. Она в курсе рецензий, отзывов, печатных писательских и читательских высказываний о прозе В. Распутина. Встречи со студентами Иркутского университета, организованные профессором Н.С. Тендитник, выступления на них писателя дополняют впечатления. Все это остается в памяти критика, находит место в очерках, статьях, книгах, развертывая перед нами панораму густой, шумной и часто неоднозначной, а в 90-е гг. и вовсе агрессивной, реакции на общественную и литературную жизнь писателя. Сейчас работы Н.С. Тендитник о В. Распутине еще и исторический документ.

Пристальное внимание, поддержку, заинтересованное отношение к себе бывшего университетского преподавателя писатель ощущал постоянно. Духовная связь все годы общения оставалась прочной, надежной. Оба, писатель и критик, были уверены в понимании друг друга. И не раз, вероятно, Н.С. Тендитник была первым читателем рукописей В. Распутина. Так было с повестью «Прощание с Матёрой»: среди немногих Н.С. Тендитник знала первоначальный финал произ-

ведения¹. А первый вариант концовки «Живи и помни» с описанием реакции Андрея Гуськова на шум на реке прокомментирован ею в сборнике «Мастера» [14, с. 85]. Примечателен по этому поводу комментарий Н.С. Тендитник: «Приходится с сожалением отметить, что в московском издании книги В. Распутина «Повести» (1976 г. издания. — *В.И.*) по недосмотру редактора две сопоставительные главы «Живи и помни» (финальные абзацы в несколько строк об Андрее и об Атамановке. — *В.И.*) утрачены» [14, с. 85]. В редакции повести 1982 г. фрагмент об Андрее в финале тоже отсутствует [6, с. 379-380], его нет и в четырехтомном собрании сочинений 2007 г. Вероятно, что одна из обнаруженных Н.С. Тендитник утрат в последующих изданиях была сделана уже с согласия автора.

Статьи и книги Н.С. Тендитник о В. Распутине всегда внутри современных литературных дискуссий. Это динамичная картина возникших вокруг писателя мнений, оценок, согласий и несогласий, поддержки и возмущений, резких высказываний. Голоса нескольких десятков забытых ныне критиков и голоса оставшихся в истории русской литературы писателей звучат хором и поодиночке на страницах работ Н.С. Тендитник. Критик погружает нас в атмосферу живых, непосредственных реакций на только что прочитанное. Все отклики о В. Распутине в периодической и научной печати аналитически освоены и получили оценку, обороняющую редкий дар писателя. Н.С. Тендитник мужественно возражает столичным критикам, аргументируя свою позицию, отстаивая художественный мир автора. Она находит опоры, укрепляет существование распутинского миропонимания творчеством старших современников — С. Залыгина, Ф. Абрамова, В. Белова, В. Шукшина. В шумной дискуссии 70-х годов о специфике и нужности «деревенской прозы» Н.С. Тендитник отстаивает право прозы на существование. Ее аналитическое перо — на страже достижений «деревенщиков», выразителей духовного опыта русской культуры. Для профессора Н.С. Тендитник «деревенская проза» имеет длинную историю и такую же дальнюю перспективу.

В несчастные 90-е женский голос немолодого уже критика включается в жестокую политическую полемику, отстаивая нравственные нормы, достоинство человека, ценность русской истории, культуры и традиции, в том числе и значимость прозы В. Распутина, его самобытный мир, передающий многовековое наследие России [10]. И голос ее по-женски не слаб: «В. Распутин светел всегда, <...>» потому что верит в силы и благо народа, а в стихии страдания передает надежду [10, с. 145], — сказано в глухие 90-е. Пылкое слово критика призывает читателя думать, стараться понять, что происходило и происходит в стране, призывает разобраться в мотивах и причинах конфликтов, расколов, перемен. По мнению Н.С. Тендитник, вывернутые наизнанку ценности 90-х искажают культуру, душу человека, и с этим критик непримирим. В круг аргументации вводятся новые, ранее запрещенные издания, новые имена, утверждаются новые оппозиции. Poleмика об искусстве становится сражением, схваткой мировоззрений, а литературный критик — воином, защитником своего родного, исконного. Контрасты переломного времени отразились в последних статьях о В. Распутине (1996, 1999) [10; 11], в последней книге Н.С. Тендитник «Валентин Распутин. Колокола тревоги» (1999) [8]. Очевидно, что Н.С. Тендитник и В. Распутин остались единомышленниками в окружении негуманной постмодернистской культуры.

С первой статьи о В. Распутине «Наш современник в творчестве молодых. За-

¹Информация о чтении Н.С. Тендитник рукописи В. Распутина «Прощание с Матёрой» получена автором данной статьи от профессора, доктора филологических наук И.И. Плехановой.

метки о прозе иркутских писателей» (1968) исследователь пытается понять силу воздействия распутинской прозы, особенности поэтики писателя. С самого начала ей интересен Распутин-художник, Распутин-стилист. Критик стремится проникнуть в суть творческого действия, понять его тайну, и этот процесс затягивает ее на десятилетия. Так острый аналитический взгляд автора отметил мастерство молодого писателя в изображении человека — изнутри — через жесты, поступки, мысли. В повести «Деньги для Марии» Н.С. Тендитник выделяет искусство диалога, источник скрытого драматизма прозы, определяя будущую сценичность произведений [15, с. 66-67]. Прогноз критика оправдался в «театральные» 80-е гг., когда произведения писателя триумфально шли по многим сценам страны. В книге «Мастера» (1981) Н.С. Тендитник упоминает постановку повести «Последний срок» во МХАТе и в других театрах, что уже в конце 70-х подтвердило выделенные ею диалогичность, динамичность прозы писателя. Но достоинства первых рассказов и повести «Деньги для Марии», обнаруженные Н.С. Тендитник более полувека назад, пока остаются в распутиноведении белым пятном.

В первом сборнике об иркутских писателях «В битве за человеческие сердца» (1975) критик отдает прозе В. Распутина вторую главу. Название «Искусство — состоявшаяся реальность» определяет главный аспект рассмотрения, поэтику писателя, способы создания художественной реальности. В повести «Деньги для Марии», отмечая сжатость, лаконичность, экспрессивность, стремительность стиля, в котором пульсирует ритм самой жизни, а также пластичность образов, органичность связи с обстоятельствами, автор оценивает прозу писателя как «эталон художественности» [9, с. 24-25]. И среди другого объясняет это тем, что для изображения он «...выбирает в жизни героя наиважнейший, полный драматизма момент» [9, с. 25]. Это еще одно открытие Н.С. Тендитник в области распутиноведения. Позднее эту особенность прозы изучит В.К. Сигов (1984), дав художественному времени в повести «Деньги для Марии» выразительную характеристику кризисного, связанного с поэтикой Достоевского, то есть короткого, «сжатого», переломного, «точечного» — рядом с «фоновым», растянутым на десятилетия. Развивая мысль предшественника, В.К. Сигов приходит к выводу, что в повести «...в одной точке (точке кризиса) сошлось и наиболее отчетливо проявилось все, что было, есть и будет» [7, с. 70].

Н.С. Тендитник удивляется метафоричности прозы В. Распутина, раскрывая читателю философское значение некоторых эпизодических, незаметных на первый взгляд, образов. Метафоричен пейзаж писателя. Так в повести «Последний срок» Н.С. Тендитник замечает, что в смене состояний природы преобладают свет и солнце, отражающие веру автора в скрытые в человеке и окружающем мире возможности [9, с. 39-40]. Этой надеждой и объясняет критик чистоту, прозрачность, ясность пейзажного рисунка у В. Распутина. Ведь у писателя-скептика не может быть такого ощущения окружающей природы. Чуткость к художественному миру писателя позволяет Н.С. Тендитник уже с первых работ выделять особенности его поэтики, закладывая основу распутиноведения.

В книге «Мастера» (1981), также посвященной творчеству иркутских авторов, первая глава — о В. Распутине. Последовательно анализируя повести «Последний срок», «Живи и помни», «Прощание с Матёрой», очерк «Вниз и вверх по течению», рассказ «Уроки французского» критик останавливается на языке писателя. Истоки распутинского слова она видит в разговорной народной речи, ее звучности, особой интонации, образности, что является главным строительным матери-

алом прозы писателя. Традицию преображенного бытового слова В. Распутина исследователь связывает с художественным языком Ф. Абрамова, В. Белова, В. Шукшина. И утверждает, что «деревенский язык» В. Распутина богат, органичен, благодаря речевой среде, в которой вырос писатель. В языке писателя кроется сила психологизма его героев, «...состояние, естество и плоть, манера выражать свои понятия о долге на земле, о совести и нравственных ценностях» [14, с. 20]. Н.С. Тендитник на стороне В. Распутина в использовании сибирских диалектизмов, она доказывает уместность и необходимость этих слов в речевой характеристике персонажей. А на примере отрывка из повести «Живи и помни» отмечает другую сторону распутинской прозы — использование обычных, разговорных, даже «стертых» слов. Критик убеждена, что вечное, древнее, как жизнь, звучание этим обычным словам дает их сочетание, неожиданная их комбинация [14, с. 21]. Постигая тайны распутинской прозы, Н.С. Тендитник категорична: «Такому языку выучиться невозможно, его надо впитать умом и сердцем» [14, с. 22].

Переходя к рассмотрению образа Анны в повести «Последний срок», автор по-детски удивляется его новизне в русской литературе: «Но чтобы внимание писателя поглотила «старинная» старуха — такого же не бывало» [14, с. 56]. Критик кропотливо перебирает приемы построения образа Анны, пытаясь понять секрет его воздействия. В чем он? Во внутренних монологах, ретроспекции, прерывающих логику событий, в будничности происходящего, в образе повествователя, словно находящегося рядом со своими героями? Исследователь методично рассматривает все возможные ответы. И останавливается на признании редкого дара перевоплощения автора в героя: «Опыт старости и непосредственность детской реакции на поведение взрослых, печать и просветление — такова гамма чувств, пережитых им» [14, с. 58]. А поиски ответа о способах воздействия прозы писателя продолжаются при анализе эпизодического образа коня Игреньки и незначительного образа черемухового куста, увиденного Люсей во время прогулки в лесу. Н.С. Тендитник не устает задавать вопросы, прежде всего, самой себе с тем, чтобы до конца понять природу художественного мира писателя. Ей интересно, как сцена «кадра» связана с нитью воспоминаний старухи, и как плетется сама эта нить. Критик выделяет пейзаж как компонент психологического портрета главной героини. Пейзаж в повести — выражение мироощущения старухи Анны, состояния ее души. Картины тихой осени слиты с угасающей душой человека [14, с. 62-63]. Все это, по признанию Н.С. Тендитник, отражает тайну жизни, неизменного и непрерывного ее течения.

Повесть В. Распутина «Живи и помни» исследователь рассматривает в контексте современной военной прозы — В. Астафьева, В. Быкова, К. Симонова, К. Воробьева, Г. Бакланова, Ю. Бондарева, А. Зверева, Д. Сергеева и других советских писателей. Благодаря литературной осведомленности автора статьи, мы сразу попадаем внутрь горячих споров о выборе главного героя повести, дезертира. В разноголосой полемике убедительны, в первую очередь, доводы В. Астафьева и самого В. Распутина. Н.С. Тендитник обращает внимание и на противоречие в названии: предупреждение обращено к Гуськову, поскольку он остался жить, а повесть, по утверждению самого писателя, посвящена Настене, и лучшие страницы произведения — о ней. «Многомерный жестокий смысл предупреждающего «Живи и помни»» [14, с. 79] так и остается не раскрытым. Понимание смысла названия — дело читателя, результат его размышлений и душевной работы. Критик анализирует композицию повести, сцепление фрагментов, значение в композиции

внутреннего монолога, диалога, исповеди. Сложная структура повести, широкий эпический разворот событий, роль массовых народных сцен ставят вопрос о жанре: роман это или повесть?

В поле внимания Н.С. Тендитник опять попадает пейзаж, и она анализирует описание времени года, суток, погоды и краски, которыми пользуется писатель, раскрывает их метафорический смысл, символику отношений человека к природе. Значимы для понимания повести образы животных — коровы, теленка, козули и даже воробьев. Представленные в необычных ситуациях, «...они еще раз оттенили мысль художника о вызванных войной парадоксах, нелепостях человеческого поведения» [14, с. 93], заключает Н.С. Тендитник. По ее мнению, в эпизодах с животными скрыт глубокий философский смысл. Говоря об иносказаниях, символике в повести, критик также выделяет изображение сна как образ-лейтмотив, рассматривая его в соотношении двух произведений — повестей «Деньги для Марии» и «Живи и помни». Автор статьи убеждена, что расшифровку снов, его просветленного и фантастического смысла, писатель вновь доверяет читателю, его интуиции. Завершая анализ «Живи и помни», Н.С. Тендитник ставит проблему трагического в современной ей литературе, говорит о разомкнутом финале произведения и о чувстве вины, которое ведет читателя к очищению. «...Правда факта и правда искусства — вещи разные» [14, с. 96], — так отвечает критик на вопросы о возможности другого конца повести.

Анализируя в книге «Мастера» повесть В. Распутина «Прощание с Матёрой», исследователь на разных уровнях художественного текста — в диалогах, в говорящих именах, названии острова и заглавии произведения — обнаруживает ритмически-звуковую организацию «...интонации, то динамичной, звенящей, то словно падающей до шепота молитвы, — во всем соединились здесь реальные картины и их обобщенный, философский смысл» [14, с. 122]. Удивительное согласие с мыслью и мироощущением писателя, литературное чутье критика позволили ей почувствовать и осознать музыкальное звучание распутинской прозы, в которой интонационные колебания фразы рождает гамму переживаний. Социально-нравственная проблематика в повести держится на сложной партитуре звуков, интонаций, и это воспринято и передано критиком. В распутинских пейзажах распознан скрытый за красотой «...лейтмотив любви и прощания, почти молитвенного преклонения перед хрупкой гармонией мира» [14, с. 116]. Сам писатель полон сыновней любви и благодарности к родной земле, они-то и дарят его слову звуки, краски, запахи. И мастерство Распутина-пейзажиста, согласно выводам критика, заключается в таком единстве состояния природы и человека. Самые проникновенные и тонкие по живописи пейзажи, по мнению Н.С. Тендитник, — в повести «Прощание с Матёрой». С каждой новой статьей и книгой о В. Распутине критик дополняет интерпретацию выделенных ею в начальном творчестве аспектов, линий, приемов, невольно укрепляя актуальную в распутиноведении идею цельности и органичности творческого пути писателя.

Интервью, взятое Н.С. Тендитник у В. Распутина, «Болезнь человеческой болью...» (1977) за почти полвека не только не потеряло свою значимость, а, скорее всего, с годами ее обрело. Благодаря доверию к человеку, берущему интервью, к авторитету своего университетского преподавателя, а также благодаря глубине и уместности поставленных вопросов, диалог Н.С. Тендитник с писателем содержит уникальную информацию. В. Распутин раскрывается в разговоре так, как это было только в письмах к очень близким людям, духовно родным. И сейчас интер-

вью — вход в творческую мастерскую писателя, в его внутренний мир, в процесс возникновения замыслов и их воплощений, в необъяснимые взаимоотношения автора и героев, их скрытые от постороннего взгляда диалоги. Замечательно в интервью также признание о круге чтения, о том, что после чтения и перечитывания русской классики — «для своей профессиональной учебы», у писателя значится особый, личный пункт — «...видимо, касается только меня» — книги русских философов. «А их действительно нужно называть писателями, потому что это были философы необходимого нравственного направления. <...> Знать их необходимо. Я этот пробел сейчас постоянно стараюсь восполнить» [3]. Это особый пункт чтения — распутинский. А российские филологи и философы размышляют сегодня над тем, какие идеи русской религиозной философии нашли место в произведениях писателя. И их поиски продолжаются.

Импульсом к самым сокровенным признаниям писателя стал смелый вопрос Н.С. Тендитник: «Судя по тому, что в каждую вещь Вы вносите правку, Ваши герои, наверное, не оставляют Вас. Что Вы сами об этом думаете? Слушаются ли Вас Ваши герои в процессе работы? Какими они остаются для Вас позднее?» [3]. И, очевидно, что вопрос задел за живое. Ответ удивляет: «Он (автор. — *В.И.*) обязан относиться к нему как к человеку живому, с доверием, уважением, пониманием. <...> Герой, которого заставляют произносить фальшивые слова и делать фальшивые шаги, чувствует, что с ним поступают как с игрушкой, и тогда он как игрушка начинает вести себя. Читатель в такого героя не поверит <...>» [3]. Доверием к Настене, к цельности ее натуры и жизненности объясняет автор финал повести «Живи и помни». И это ответ уже самого писателя тем, кто укорял его трагическим завершением. «И конец, который получился в книге, выбирает сама героиня, тут автор ничего сделать, пожалуй, не смог бы. Она сама выбрала тот финал, к которому повесть пришла» [3]. Что тут скажешь? Не менее удивительны отношения автора и с главной героиней повести «Прощание с Матёрой», старухой Дарьей, как и ее упреки, высказанные писателю. В этом раскрывается уже другая сторона — связь автора и героя после написания произведения как продолжение жизни и того, и другого. Оба продолжают жить, общаться, выражать свои чувства и недовольство друг другу. В таких тесных, близких и словно родственных отношениях видится отцовство или материнство, и связанная с этим ответственность родителя за того, кому дал жизнь. Не случайно, говоря о принципах творчества своего друга, драматурга А. Вампилова, В. Распутин подлинность, истинность писателя сравнивает с беременностью женщины: «...так или иначе она придет к концу» [3]. Повесть, рассказ, пьеса — «рождаются». Органичность, природность процесса литературного творчества одновременно объясняет и скрывает свои тайны.

А где вы еще, как не в этом интервью, услышите самые высокие слова о женщине, наполненные благодарным и мудрым отношением к ней. В них — поэзия, музыка, выражение чувств, смысла жизни и спасения души. «Женщина — мягкость, нежность, доброта и душевность, красота и тайна человеческая, женщина — глубина и чуткость чувств, их предельная развитость и отзывчивость. Но вместе с тем — житейская мудрость, наследованная от поколения предков, потому что женщина, оставаясь с семьей, не могла растерять ее по ближним и дальним дорогам» [3], — сказал классик. И не только творчество — вся его жизнь подтверждение сказанному. Вспоминаются чуткое, заботливое отношение школьника Вали к маме, запечатленное в тихом маленьком рассказе «Красный день», неизвестном широкому читателю [5], и теплое попечение о старенькой Нине Ивановне в сибирские морозы, когда сын приезжал в Аталанку, чтобы в пятьдесят градусов

непрерывно топить печь, согревая дом и маму, что нечаянно прорывается в его январском письме к В.П. Зыкову от 1977 г. [1, с. 207]. И возвращение Нины Ивановны, пребывающей в тоске по дому всю зиму в Братске, где жила последние годы у дочери, на каждое лето в Аталанку. Об этом тоже мимолетом — внутри повествования о добром сердце и трудной судьбе мамы в очерке «Откуда есть-пошли мои книги» [4, с. 504]. И привязанность к бабушке, «незабвенной» Марии Герасимовне, благодарность ей за подаренное Василисе звонкое народное слово [4, с. 506]. И автограф на книге «Сибирь, Сибирь...», посвященный Светлане Ивановне, где сквозь скупость внешнего выражения — сердечное признание жене. «...Эту книгу как знак благодарности за подвиг мученичества и любви и как результат наших общих трудов» [2, с. 32]. И на вершине рассказа «Уроки французского» посвящение-поклон матери А. Вампилова Анастасии Прокопьевне Копыловой, учительнице математики в сельской школе, напечатанное ныне в каждой школьной хрестоматии.

В интервью Н.С. Тендитник задает вопрос об языке, о том, что ее волновало с первых рассказов и повестей В. Распутина. И писатель встревожен, он говорит о необходимости защищать русский язык, как защищают природу. Драгоценный духовный опыт, живущий в русском слове, тоже нуждается в сберегающих законах. Но и каждый человек способен хранить язык сознательным отношением к нему. Сам писатель читает словарь В. Даля как литературное произведение, собирает книги по фольклору — народные песни, сказки, пословицы, поговорки. «Это помогает мне» [3] — отвечает на вопрос В. Распутин. Писатель открыт себе, честен перед другими, и говорит о том, что в творчестве помимо рационального, осознанного действуют неизвестные силы. Далеко не все зависит от автора, «...от его желания и планов, но от каких-то иных сил <...>» [3]. Для В. Распутина эти силы — «...вызревшая, нестерпимая, не дающая ни днем, ни ночью покоя боль, которой болит сердце и которую важно донести до читателя во всем необходимом художественно-проблемном ее облачении, в соразмерном, точно выверенном помещении от порога до переднего угла, которое называют сюжетной канвой» [3]. Зная характер и жизнь писателя, этому можно верить.

...Мы пролистали работы Надежды Степановны Тендитник о Валентине Распутине, сборники ее статей, очерков, заметок, перечитали интервью с писателем, и попробовали увидеть их по-новому — из нынешнего времени, из сегодняшнего распутиноведения. И словно прошли с человеком его жизненный путь, оказавшись с критиком и писателем в одном пространстве-времени. Как биограф В. Распутин Н.С. Тендитник методична и точна, как литературный критик — внимательна, надежна, глубока. Доверие друг к другу объединило писателя и критика. Каждый воспринял свою жизнь как служение. Один — народу, родине, природе, другой — редкому дару писателя, а через него — тому же. И верность долгу объединила. Творчество одного направляло логику жизни другого. Работы критика собирались и выстраивались вслед за повестями и рассказами писателя, шагая с ними в одном строю. И оба помогали друг другу быть.

«Не будь ее, не было бы многого в наших успехах, не стало ее, и радость работы померкла» (В. Распутин) [13, с. 16]. И справедливо было бы, если бы рядом с биобиблиографическими указателями о В. Распутине и А. Вампилове стоял скромный биобиблиографический указатель о Н.С. Тендитник. Ведь все трое были рядом в своем времени, вместе вошли и в наше. И нужно помочь им остаться с нами — в будущем.

Литература

1. Зыков В.П. Валентин Распутин. Комсомольские годы в Красноярске // Живём и помним. Воспоминания о Валентине Распутине / предисл. В. Скифа. — Иркутск : Репроцентр А1, 2017. — С. 198–212.
2. Молчанова Е.И. Моя старшая сестра // «...Жить в полную силу». Воспоминания о Светлане Распутиной. Воспоминания, стихи. — Иркутск : Принт-Лайн, 2019. — С. 7–87.
3. Распутин В.Г. «Болезнь человеческой болью...» / интервью вела Н.С. Тендитник // Совет. молодежь. — 1977. — № 142 (29 нояб.). — С. 2.
4. Распутин В.Г. В поисках берега : повесть, очерки, статьи, выступления, эссе. — Иркутск : Издатель Сапронов Г.К., 2007. — 528 с.
5. Распутин В. Красный день [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://prkas.ru/index.php?id=482> (дата обращения 12.05.2022).
6. Распутин В.Г. Четыре повести / послесл. А.А. Дырдина. — Л. : Лениздат, 1982. — 656 с.
7. Сигов В.К. Проза В.Г. Распутина (проблематика и поэтика) : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02. — Калинин, 1984. — 215 с.
8. Тендитник Н.С. Валентин Распутин. Колокола тревоги : очерк жизни и творчества. — М. : Голос, 1999. — 149 с.
9. Тендитник Н.С. В битве за человеческие сердца : критич. заметки. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975. — 144 с.
10. Тендитник Н.С. Величие слова // Сибирь. — 1996. — № 1/2. — С. 141-145.
11. Тендитник Н.С. Есть ли у реализма берега? // Сибирь. — 1999. — № 2. — С. 193-200.
12. Тендитник Н.С. Иркутск Александра Вампилова // Сибирь. — 1987. — № 4. — С. 113-121.
13. Тендитник Н.С. Ликуя и скорбя : статьи, рецензии, публицистика / сост.-ред., авт. вступ. ст. В.А. Семенова. — Иркутск : [б. и.], 2017. — 384 с.
14. Тендитник Н.С. Мастера. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981. — 303 с.
15. Тендитник Н.С. Наш современник в творчестве молодых. Заметки о прозе иркутских писателей // Ангара. — 1968. — № 6. — С. 66-69.